Часть 1

Конец февраля попадает в первый месяц лунного календаря, по которому год начинается с весны, однако холод стелется по улицам Киото даже в эти дни. Поэтому Хонока все еще ежилась под покровом теплого пальто, с которым вовсе не хотела расставаться, и шла по проторенной дорожке против потока спешивших домой студентов.

Хоть девушка постоянно смотрела под ноги, ее волосы танцевали на ветру, открывая лицо. Проходившие мимо парни замечали его и невольно провожали Хоноку взглядами. Белые, словно снег, щеки девушки еще сильнее подчеркивали ее хрупкую красоту.

Наконец, Хонока услышала тихий звон и подняла взгляд к ясному, ничем не примечательному зимнему небу. На его фоне возносился, играя тихую мелодию перезвоном чешуи, белоснежный божественный змей-дракон толщиной примерно с руку девушки. Зрелище, недоступное обывателю, давно стало для Хоноки частью жизни, и она провожала создание взглядом.

Впервые она увидела эту картину в раннем детстве и с тех пор наблюдала ее множество раз. Однажды тогда еще маленькая Хонока узнала, что таким образом малые боги возвращаются на небеса, откуда больше никогда не спускаются на землю. Рассказал ей об этом тот самый дух, что теперь терял жизнь, как цветок — лепестки на ветру. Однако обычные люди, конечно же, продолжали жить день ото дня, ничего не замечая.

Каждый раз Хонока протягивала руку, но меркнущий свет не возвращался.

Каждый раз, когда она осознавала собственную беспомощностью, душа её болела всё сильнее, и никто не мог разделить с ней эту боль.

...До того дня, пока девушка не повстречалась с ней.

И заря, и дождь, и ветер,

Человек и жук, и вепрь —

Ты гуляй под небесами,

Меж цветов и древ, и гор.

Коль тоска темнее мрака,

Мне позволь её оплакать,

За тебя молюсь часами,

Обращая к кругу взор.

Из колодца звучала песня, печальная и прекрасная.

Иногда Хонока проклинала того бога, что дал ей такие глаза. И в то же время мысль о том, что без них девушка не повстречалась бы с ней, приносила успокоение.

Хоноке казалось, что лишь она способна разделить с ней глубокое одиночество…

***

— …Можно я начну с вопроса о том, почему ты здесь?.. — неуверенно проговорил Ёсихико, глядя в колодец трехметровой глубины.

Перед самым мартом, в начале сезона цветения сливы, в молитвеннике появилось новое имя. Ёсихико, как и всегда, доверился пушистому лису-навигатору и с его помощью добрался до храма у подножья горы Аманокагуяма в Наре. Там, однако, он долгое время не мог отыскать бога, оставившего заказ.

— Э? А? П-почему я здесь?..

Какое-то время он искал, откуда доносится еле слышное пение, затем все же нашел на территории храма старый каменный колодец, заглянул в него и увидел маленькую девочку лет семи-восьми.

Она была одета в длинное белое кимоно и где-то по пояс сидела в воде. Очаровательные голубые ленты подвязывали ее черные волосы. Девочка смотрела на Ёсихико большими влажными глазами, словно готовая вот-вот разрыдаться.

— Э-э, что же мне на это ответить… — пробормотала девочка голоском, которым совсем недавно тянула песню. Немного помяв руки, она решилась и выпалила: — П-потому что я —

Накисавамэ-но-ками!

Ее имя в точности совпало с тем, что появилось в молитвеннике.

Через несколько секунд Ёсихико покачал головой.

— Нет, я не про это. То, что ты богиня, я и без этого догадался, потому что человеческий ребенок в колодце может оказаться только по большому недосмотру… Просто раньше боги, которые мне встречались, жили либо в храмах, либо у дорог к ним, либо просто в окрестностях, но чтобы в колодце?..

Благодаря фильмам ужасов образ девочки в колодце вызывал у Ёсихико жуткие ассоциации. Особенно если девочка черноволосая и одета в белое кимоно. Не будь она настолько миловидной, он бы уже наверняка сбежал.

— П-прошу прощения! У-у меня плохо получается объяснять!..

— Д-да не надо извиняться.

— П-простите меня, пожалуйста! В-вы проделали такой путь, а я…

Так и не договорив, Накисавамэ-но-ками залилась слезами.

— Э! Эй, не плачь! Я извиняюсь! Прости, что ляпнул не то!

Ёсихико тут же нагнулся над колодцем. Он и подумать не мог, что его собеседница заплачет. Может, она и была богиней, прожившей во много раз больше него, но внешне ничем не отличалась от маленькой девочки и поэтому легко пробуждала в Ёсихико сильное чувство вины.

— Каким же мерзавцем нужно быть, чтобы довести бога до слез, — презрительно бросил Когане, ждавший у ног Ёсихико. — Подумать только, что ты настолько невежа.

— Я же не специально и не со зла! Я и представить не мог, что она заплачет!

Он хотел ее успокоить, но не мог дотянуться руками до девочки в колодце. Пока Ёсихико паниковал, Когане уперся лапами в край колодца, вытянулся и посмотрел на вытиравшую слезы Накисавамэ-но-ками.

— Впрочем, в этот раз, Ёсихико, волноваться тебе не о чем. Можно сказать, проливать слезы — работа Накисавамэ-но-ками.

Ёсихико, который уже забрался в сумку в поисках салфеток, изумленно поднял взгляд.

— Проливать слезы — работа?.. — переспросил он.

Когане бросил на него быстрый взгляд и продолжил:

— Накисавамэ-но-ками забирает у японцев половину печалей и плачет вместо них. Если тебе бывало тяжело, но после слез становилось легче на душе и получалось вновь посмотреть вперед, это благодаря слезам, которые она пролила за тебя. Ее плач уменьшает людскую печаль.

— Э? Благодаря такой маленькой девочке?..

Ему сразу подумалось, что такая работа вряд ли хорошо скажется на ее психике. Он еще раз заглянул внутрь колодца и услышал поблизости протяжный вздох Когане.

— Она кажется тебе девочкой, поскольку растеряла силу, подобно Хитокотонуси. Когда-то она была ранимой и прекрасной богиней. Вода, которую ты видишь — слезы, которые она проливала целую вечность.

Когане мотнул мордой, указывая на ноги Накисавамэ-но-ками.

— Это все слезы?..

Девочка, все еще шмыгавшая носом и вытиравшая глаза, по пояс стояла в прозрачной воде. Только сейчас Ёсихико заметил, что она проникает в щель в каменном дне колодца и питает маленькие цветки пастушьей сумки.

— А-а, но некоторые мои слезы впитываются в землю или испаряются. А, и еще сюда попадает дождевая вода, так что это не совсем так… — вмешалась покрасневшая Накисавамэ-но-ками. — Я… я ничего не умею, кроме как плакать, и совершенно не помогаю людям, в отличие от других богов…

Ее глаза вновь увлажнились. Когане бросил на нее взгляд и прищурился.

— Только ты способна взять на себя часть людской печали. Не прибедняйся.

— Во-во. Это же насколько доброй надо быть, чтобы отбирать половину грусти всех людей! — тут же добавил Ёсихико, опасаясь, что богиня сейчас вновь заплачет.

Ему и без того хотелось пожаловаться, что богиня не должна быть похожа на маленькую

девочку, но то, что девочка оказалась еще и плаксой, совсем выбивало его из колеи.

— С-спасибо вам! Я и подумать не могла, что услышу такие слова от достопочтенного Хоидзина из Киото и не менее достопочтенного лакея! Я… я не…

В конечном счете Накисавамэ-но-ками вновь разрыдалась. Ёсихико с Когане переглянулись и дружно вздохнули.

— Итак, Накисавамэ-но-ками. Каков твой заказ?

Стоило богине, наконец, успокоиться, как Когане вновь опередил Ёсихико и задал вопрос.

— Когане, ты достал. Дай уже хоть раз мне спросить, — бросил Ёсихико и кисло глянул на лиса.

Все-таки звание лакея, пусть и заменяющего, дали именно Ёсихико, а не ему.

— О, неужели в тебе пробудилась совесть лакея?

— Тут не столько совесть, сколько то… что у меня свой сценарий разговора есть.

— Если мы будем говорить по твоему сценарию, просидим тут до ночи.

— Да нет же, мне тоже хочется узнать подробности заказа до захода солнца!

— А-а-а, п-пожалуйста, не ругайтесь! — остановила уже привычный спор Накисавамэ-но-ками. — Д-давайте жить дружно. Наверняка даже люди и боги могут подружиться!

В ее глазах снова появились слезы. Ёсихико в спешке прижал к себе Когане и погладил его по пушистой макушке.

— Н-ничего страшного, у нас такое постоянно! На самом деле мы видишь как ладим? Правильно я говорю, Когане?

— …Я тебе это еще припомню, — буркнул заметно взлохмаченный Когане.

— Ну так что, какой у тебя заказ? — еще раз спросил Ёсихико.

От нерешительности Накисавамэ-но-ками замолчала, затем заговорила медленно, тщательно подбирая слова:

— К-как совершенно правильно сказал глубокоуважаемый Хоидзин, моя работа состоит в том, что я сижу в колодце и плачу, принимая на себя половину печали людей Японии. П-поэтому я уже очень давно не покидала колодца.

— ...Э? Выбраться не можешь? — уточнил Ёсихико, сводя брови.

До сих пор он считал, что колодец просто играл роль ее дома, но все, видимо, сложнее.

— Раньше мне разрешали покидать его несколько раз в год, но… Я родилась из слез Идзанаги-но-ками[□]Идзанаги (яп. □□□□), Идзанаги-но микото — в синтоизме бог творения, супруг богини Идзанами, когда он оплакивал смерть Идзанами-но-ками[□]Идзанами (яп. □□□□) — богиня творения и смерти в синтоизме, рождённая вслед за первым поколением небесных богов, супруга бога Идзанаги.. Сначала я жила в родниках, но примерно полторы тысячи лет тому назад поселилась в этом колодце.

Об Идзанаги и Идзанами слышал даже Ёсихико, плохо разбиравшийся в богах. Ни одна легенда о сотворении Японии не обходилась без этой пары.

— П-полторы тысячи лет в одном колодце?.. — на автомате повторил Ёсихико.

Он услышал слишком великое число, чтобы представить себе весь срок, но по крайней мере понял, что в этом колодце она живет с незапамятных времен. Ёсихико еще раз посмотрел на девочку в колодце и подумал: неужели она провела здесь в одиночестве так ужасающе много времени?

— Я ни капли не возмущена ролью, которую уготовил мне Идзанаги-но-ками, но поскольку высшие боги позволили мне пусть даже всего один раз обратиться за помощью к лакею, я очень, очень хочу кое о чем попросить.

НакисавамэН-но-ками сцепила ладони перед грудью и посмотрела на Ёсихико из глубин колодца. Увидев, как сильно она сжала пальцы, тот напрягся. Видимо, в душе девочка таила очень сильное желание.

— В б-былые времена, когда мне выдавалась свободная минутка, я могла покидать колодец, но теперь мои силы иссякли. Став маленькой девочкой, я уже почти тысячу лет не выбиралась наружу. Круг неба над головой — вот и весь мой мир.

Накисавамэ-но-ками указала пальцем вверх, и Ёсихико поднял голову. Ясное зимнее небо казалось ему бескрайним, но девочка видела лишь его крохотную часть.

— Мне остается лишь слушать об окружающем мире от птиц и духов, что навещают меня. Я уже не могу вспомнить, как цветет сакура горы Ёсинояма, о которой мне столько рассказывают, каким бескрайним кажется голубое море, как щеки обдувает приятный ветерок…

Накисавамэ-но-ками говорила, изо всех сил напрягая тонкий голосок. Возможно, ее бледные руки и щеки толком и не знали солнечного света.

Долгие годы она день ото дня сидела здесь в одиночестве и лишь плакала. Ёсихико не мог даже представить себе такую жизнь. Он всегда считал, что жизнь богов полна свободы и развлечений.

— П-поэтому я… хотела бы, если можно, попросить… — Накисавамэ-но-ками свесила голову, подобрала слова и решительно подняла взгляд. — Пожалуйста. Пусть даже один раз. Мне уже не хватает сил выбраться отсюда.

И наконец, изо всех сил сдерживавшая слезы маленькая девочка озвучила заказ:

— Вытащите меня отсюда! Покажите мне внешний мир!

Часть 2

Поскольку связанные с сэцубуном[]Сэцубун (яп. □□ «разделение сезонов») — последний день каждого времени года, но чаще всего подразумевается день перед наступлением весны. Фактически — японский Новый год по лунному календарю, отмечается 3 февраля. празднования закончились еще в начале февраля, храм Онуси уже успел вновь наполниться спокойствием и привычным умиротворением. Ёсихико бывал здесь так часто, что священнослужители начали его узнавать и теперь при встрече не только здоровались, но и сразу сообщали, где искать Котаро. Однако сегодня Ёсихико остановился перед ториями, сложил руки на груди и протяжно хмыкнул. Когда пару дней назад он услышал просьбу Накисавамэ-но-ками, то первым делом попытался вытащить ее из колодца прямо там. Купив в ближайшем хозяйственном магазине веревку, он связал один из концов петлей, попросил девочку надеть ее на себя, а затем попробовал потянуть веревку на себя. Будучи бывшим бейсболистом, Ёсихико не жаловался на нехватку сил и решил, что уж младшеклассницу поднимет без особого труда.

Однако богиня оказалась неожиданно тяжелой. Ёсихико возился больше часа, но так и не смог высвободить ее из плена колодца.

— Чего стоишь? Разве ты не собирался зайти попросить помощи у гоннеги? — подал голос Когане, видя, что Ёсихико никак не хочет входить на территорию храма. — Выслушивать заказы — работа лакея, но никто не запрещает ему просить помощи у других. Конечно, иногда бывают случаи, когда заказ не признается выполненным потому, что лакей ничего не сделал сам.

— Ну, нет, я не собираюсь настолько наглеть, просто…

Ёсихико поморщился и посмотрел на лестницу по ту сторону торий.

Придя к достаточно простому выводу, что если не получается одному, надо позвать подмогу, он пришел попросить помощи у Котаро, но теперь подумал о том, что его друг не увидит Накисавамэ-но-ками. Когда Ёсихико попросит его помочь кое-что вытащить из колодца, Котаро наверняка спросит, что именно они собрались вытаскивать. Если в ответ Ёсихико раскроет правду о работе лакея, но не представит доказательств, его прямо отсюда могут увезти в больницу. Слишком уж хорошо он знал, что его друг-священнослужитель умудряется сохранять потрясающе материалистичный взгляд на вещи.

— Видно, придется все-таки одному… — пробормотал Ёсихико, разворачиваясь. К его спине тут же подбежал удивленный Когане. — А вообще, почему эта малявка такая тяжеленная?

Ёсихико засунул руки в карманы куртки и посмотрел в небо. Вес богини однозначно не сходился с внешностью. Обычную школьницу Ёсихико спокойно поднял бы в одиночку.

— Бывает сложно сказать, что именно образует материальное тело бога, но в ее случае причина кроется на дне колодца, — пояснил, глядя на Ёсихико, Когане, шагавший рядом с парнем. — Накисавамэ пролила на него слезы, печалясь вместо людей, к тому же за долгие годы ее тело пропиталось грустью и стало очень тяжелым. Вытащить ее будет нелегко.

— Ты сейчас серьезно?.. — Ёсихико кинул ответный взгляд на пушистого бога и нахмурился.

Если даже Когане, сам относящийся к богам, признал, что вытащить девочку “нелегко”, задача перед Ёсихико стояла по-настоящему тяжелая.

— …Видимо, чем пытаться поднять ее по веревке, проще самому спуститься туда, посадить на спину и выбраться… Хотелось бы, конечно, иметь какие-нибудь когти, но знакомый лис только смотрит со стороны и помогать не собирается… Видимо, потому что лисы ближе к псам, чем к котам…

Ёсихико обронил такие слова, что Когане наморщил всю морду.

— Не ставь меня в один ряд с псами и котами. Я смирюсь с помощью человека, но боги, в том числе я, по законам не должны помогать лакею. Важно, чтобы заказы от и до исполнялись руками людей.

— Вот несговорчивый…

— Ты что-то сказал?!

— Не-а, ничего.

Ёсихико вовсю пользовался тем, что по этой дороге мало кто ходил, и говорил с Когане вслух, однако, переведя взгляд, увидел уже знакомую школьную форму.

— ...А.

Прямо на него шла девушка по имени Хонока, дочь главного жреца храма Онуси. На ее шее красовался уже знакомый голубой шарф, а бледные щеки блестели, словно снег. Вдруг Ёсихико встретился с ней взглядом и растерялся. У него не было возможности представиться ей, и он не понимал, как должен повести себя. Более того, он не знал даже, помнит ли его девушка.

А пока Ёсихико сражался с собственными мыслями, Хонока прошла мимо, так ничего и не сделав.

— Ну… стоило ожидать… — с толикой самоиронии пробормотал Ёсихико, понимая, насколько тщетными оказались душевные терзания.

Вообще, они с ней толком виделись лишь один раз, вечером на территории храма. Может, будь здесь Котаро, она отреагировала бы иначе, но без него наверняка даже не вспомнила Ёсихико.

— Пошли, Когане, — бросил он почему-то обернувшемуся лису и снова зашагал.

Сделал несколько шагов и вдруг услышал чистый голос:

— Лис…

Ёсихико замешкался, не понимая, к нему ли обращаются. Стоило ему обернуться, как он столкнулся со взглядом таким ясным, что у парня перехватило дыхание. Прошедшая мимо Хонока стояла на месте, повернувшись к нему.

Девушка отвела взгляд от Ёсихико и посмотрела ему под ноги. Затем ее взгляд вновь вернулся к Ёсихико.

Наконец, она без малейшего намека на улыбку, с совершенно непроницаемым лицом спросила:

— ...Это ведь божественный лис?

Слова застали Ёсихико врасплох.

Ответ не пришел в голову. Он вытаращил глаза и продолжил стоять, затаив дыхание. Ему

вспомнилось, как во время прошлой их встречи на территории храма девушка вроде как смотрела на него и Когане.

— ...Значит, ты меня видишь? — вдруг заговорил Когане вместо онемевшего Ёсихико.

Еще раз изумившись, Ёсихико повернулся к лису и выдавил из пересохшего горла:

— Э? Ты что, знал?..

— Не был уверен, но порой, пока сидел в том святилище, ощущал на себе какой-то странный взгляд, — ответил Когане, поднимая нос, и уставился точно на Хоноку. — Стало быть, дочь настоятеля, ты небесноглазая?

Ёсихико, услышав незнакомый термин, не понял его смысла и нахмурился. Сам он нисколько не понимал, каким образом эта девушка видит Когане.

После слов Когане в глазах Хоноки промелькнул тусклый огонек, сыгравший роль слова “да”, однако Ёсихико показалось, что согласилась она далеко не с гордостью.

— Я Хоидзин, живущий в святилище храма Онуси. Долгое время жил отшельником, и потому особенно с тобой не пересекался.

— Ясно…

Хонока практически не удивилась и поджала губы, словно о чем-то задумавшись. Ёсихико глядел на нее, до сих пор не оправившись от шока. Если подумать, он впервые видел, чтобы какой-то другой человек разговаривал с Когане.

Наконец, ясный взор Хоноки вновь устремился к Ёсихико.

— А ты… его друг? — спросил тихий голос.

— Нет, не столько друг, сколько…

Ёсихико начал было объяснять, но мысленно схватился за голову. Откуда вообще начинать? С рассказа о деде? О лакеях? О парфе?

— Конечно же, он не может быть моим другом. Я всего лишь сопровождаю этого человека, назначенного лакеем, поскольку он не выполнил мой заказ подобающим образом. Я должен добиться того, чтобы он исполнил мое повеление, — опроверг предположение Хоноки лис, пока Ёсихико раздумывал, и парень посмотрел на Когане в смешанных чувствах.

Безусловно, Ёсихико понимал, что так все и есть, но поскольку теперь они и ночевали под одной крышей, он рассчитывал на более теплое отношение.

— Ну, примерно так. Я лакей, который ходит к богам и выслушивает их заказы. Когане помогает мне их искать, — пояснил Ёсихико, поглядывая на пушистый хвост лиса.

Конечно, ему хотелось извиниться за такое объяснение, но лучше бы он сказать не смог.

— Лакей… — шепотом повторила Хонока, опустила взгляд и моргнула, снова что-то обдумывая. Затем ее взгляд вдруг снова остановился на Ёсихико. — Везет тебе.

С этими словами бледная девушка развернулась и ушла.

— Везет?..

Так и не сумев разгадать смысла, который Хонока вложила в эти слова, Ёсихико молча проводил взглядом уходящую девушку в школьной форме.

Часть 3

И отец, и мать призывали Хоноку гордиться тем, что она видит особенный мир, незримый для обычных людей. Однако при этом они всегда добавляли, что живет она все-таки в реальности, вместе с другими людьми, и предостерегали не путать миры между собой. На самом деле сейчас Хоноке казалось, что ее родители с некоторой долей скептицизма восприняли новость о таланте дочери.

Когда Хонока осознала, что отличается от других людей, она перестала говорить с ними о своих отличиях, но каждый раз, когда ее замечали глядящей невесть куда или ни с то ни с сего замирающей, она понемногу отдалялась от остальных. Ее называли ненормальной и неприятной, а ей уже не хотелось спорить.

Хонока бесконечно спрашивала себя, почему такая участь выпала ей одной.

Но, с другой стороны, ей доводилось видеть и множество прекрасных явлений, ускользавших от глаз обывателей.

Белоснежных божественных оленей, скачущих по снегу. Окутанных сиянием священных птиц, несущих на крыльях новые времена года. Огромные теплые ладони, что нежно ласкали их.

Каждый день, глядя на молящегося отца, она раздумывала: если незрячие люди молятся этим созданиям, что же должна делать она, зрячая? Она не могла найти ответ и лишь молча провожала взглядом незнакомых созданий, возвращавшихся на небеса. Она тянула руку, и

бесплотный свет еще одного безымянного бога бесследно таял. Хонока часто вспоминала их.

Простите.

Со временем она перестала проговаривать свои мысли вслух, но в душе повторяла их постоянно.

Простите, что я могу только наблюдать.

Скольких богов и духов она уже проводила взглядом в последний путь? Боль, которую Хонока не могла разделить ни с друзьями, ни с семьей, оседала в ее сердце, и девушке приходилось терпеть ее одной.

Такова судьба человека, наделенного этими глазами.

***

По словам пушистой энциклопедии, изредка случается такое, что человек рождается с даром небесных глаз. Как лис сам полагал, это происходит, когда вместе с душой в тело по какой-либо причине вливается слишком много божественной энергии. Вероятно, подобное произошло и с Хонокой. Небесноглазые люди могут в той или иной степени замечать богов, духов и призраков. А вот называть этот дар благом или нет — вопрос открытый.

— Она и раньше казалась мне довольно странной девушкой, но я не думал, что она небесноглазая… — бормотал Когане, пока Ёсихико снимал с себя мокрую одежду и вытирал продрогшее тело полотенцем.

На следующий день после встречи с Хонокой они вернулись к колодцу Накисавамэ-но-ками с лестницей. Ёсихико попробовал сам спуститься на дно колодца, посадить богиню на спину и

выбраться по лестнице, однако богиня оказалась столь тяжелой, что Ёсихико даже шагу ступить не смог, не говоря уже о лестнице. В конце концов ему удалось заставить себя вцепиться в лестницу, но он сразу же потерял равновесие и рухнул в колодезную воду. Так он промок до нитки в холодную февральскую погоду.

— А вообще, конечно, удивительно, что такие люди правда существуют, — поделился мнением до сих пор дрожавший Ёсихико, закутавшийся в полотенце.

Он считал, что всевозможные экстрасенсы, не считая лакеев, бывают лишь в манге и аниме. Однако теперь один из их представителей отыскался на удивление близко к нему.

— Правда, кажется, она не особо рада своей силе…

Его озадачила реакция Хоноки на вопрос Когане о небесных глазах. Если Ёсихико стал лакеем, уже будучи взрослым, то Хонока обладала талантом с самого рождения и видела незримое всю сознательную жизнь. Наверняка с ней успело случиться многое, чему позавидовать никак бы не вышло.

— Г-господин лакей! Господин лакей, вы меня слышите?! — раздался голос из колодца.

Чихавший и дрожавший Ёсихико заглянул внутрь.

— Звала? — отозвался он.

— Д-да, звала! А-а, э-э… — Накисавамэ-но-ками подняла на него взгляд. — В-возможно, вам несколько неприятно оттого, что ваши одежды промокли. П-понимаете, я ко всему прочему еще богиня воды, так что…

Покрасневшая девочка с глазами на мокром месте замешкалась, изо всех сил подбирая нужные слова.

— Я м-могу вас высушить, вы не против?!

От решимости в ее словах Ёсихико несколько оторопел и озадаченно уставился на богиню. Он вспомнил, как Охана в свое время высушила его промокшую от дождя одежду, и понял, что Накисавамэ-но-ками предлагает то же самое.

— Правда? Ты серьезно?

— Да! Р-раз уж я больше ничем не могу помочь… — сказала богиня, молитвенно сложила руки и закрыла глаза.

В следующее мгновение вся вода сошла с волос и джинсов Ёсихико, а также с повешенной на стенку колодца одежды, и растеклась по земле лужами.

— Ух, спасибо! Я уж боялся, что замерзну насмерть…

Ёсихико тут же натянул на себя высохшую одежду и поблагодарил Накисавамэ-но-ками. Хоть он и взял с собой полотенце, но о сменных вещах не подумал и еще несколько секунд назад всерьез хотел бежать к ближайшему магазину одежды.

— В-вы так стараетесь, уважаемый лакей. Простите, что я больше ничего не могу сделать…

— Ты делаешь достаточно. Я же говорил, не мучай себя.

— Х-хорошо, простите!

— Только не плачь. Что угодно, но не плачь!

— Хорошо!..

Накисавамэ-но-ками стиснула зубы, пытаясь удержать в глазах крупные капли. Ёсихико посмотрел на нее и вздохнул.

Безусловно, долг лакея предписывал ему исполнять заказы богов, но Ёсихико и самому все сильнее хотелось помочь девочке, мечтавшей выбраться наружу. Свои роли здесь играло как сочувствие к бедняжке, долгое время проведшей на дне колодца, так и работа богини, взваливавшей на себя половину людских печалей. Тем не менее, сейчас Ёсихико не знал, как ее вызволить. Если одному ее вытащить никак не получается, то что же остается?

— Все-таки придется просить кого-то о помощи…

Вопрос упирался в ограниченность выбора помощников. Ёсихико знал лишь одного человека, который, как и он, может видеть богов. Если бы Хонока согласилась помочь, Ёсихико мог бы попытаться поднять богиню со дна, а девушка вытащила бы ее наружу. Вот только…

Пока Ёсихико бормотал про себя, Когане вдруг повел ушами и обернулся. Ёсихико тоже перевел взгляд и вдруг заметил одетую в школьную форму Хоноку, стоявшую по ту сторону забора, ограждавшего колодец.

— Хонока…

Он не ожидал увидеть ее здесь.

Богиня внутри колодца услышала голос Ёсихико и подняла голову.

— Хонока?..

Однако отраженный от стенок шепот так и не покинул колодца.

Шел будний день, и занятия в школах еще не должны были закончиться. По всей видимости, Хонока сбежала с уроков и теперь смотрела с той стороны забора на руки Ёсихико, лежавшие на колодце, и на лестницу. Лицо ее, как обычно, скрывал голубой шарф.

— Что ты здесь делаешь, Хонока?..

Храм находился далеко от главных улиц Нары. Его окружали лишь спальные кварталы да огороды. Да, рядом еще располагался центр культурологических исследований, но трудно представить, чтобы школьница ходила туда в ущерб урокам.

Хонока молча отвела правую руку за спину, словно пытаясь скрыть то, что в ней находилось. Затем ее взгляд остановился на лице Ёсихико.

— ...Что тебе нужно от Савамэ? — с непроницаемым видом спросила она, явно не собираясь отвечать на вопрос.

— Ну я, типа, заказ выполняю…

— Мы как раз заняты исполнением заказа Накисавамэ-но-ками, как того требует молитвенник лакея, ниспосланный высшими богами, — продолжил Когане за Ёсихико, глядя на Хоноку. — Мы не более чем исполняем ее просьбу о том, чтобы покинуть колодец и посмотреть на мир снаружи него.

— Мир снаружи?.. — немного неуверенно повторила Хонока.

— Хонока, ты знакома с Накисавамэ-но-ками?.. — осторожно поинтересовался Ёсихико.

Об этом говорило и то, что она пришла сюда, и то, каким именем назвала. Не так уж трудно представить, что у небесноглазой девушки могут быть знакомые из числа богов.

— Если да, то ты пришла очень кстати. Прости, что я так внезапно, но не можешь помочь?

Ёсихико положил руку на лестницу. Ему не особо хотелось просить хрупкую школьницу заниматься физическим трудом, но сейчас другого выхода не оставалось.

— Я пытался вытащить ее из колодца, но она страшно тяжелая. Поэтому буду рад помощи…

Однако Хонока все стояла по ту сторону забора и не отвечала. Ёсихико перевел взгляд и увидел, что она потупила взор и о чем-то думает. Она мало говорила и редко показывала эмоции. Поэтому Ёсихико не мог сказать, что у нее на уме.

— Хонока? — позвал он ее по имени.

Наконец, Хонока подняла голову, медленно обошла забор и встала у колодца рядом с Ёсихико. Помолчав еще несколько секунд, она тихо спросила, тщательно проговаривая каждое слово:

— …Ты хочешь выйти?

— П-прости, что не рассказывала тебе, Хонока. Н-но тебе не хватит сил поднять меня в одиночку, поэтому я попросила уважаемого лакея, — послышался ответ изнутри колодца, смешавшийся со звуками воды. — К-когда я выберусь наружу, смогу взглянуть на небо, собирать цветы, смотреть на жучков, деревья, травку и все остальное. Я… я хочу увидеть город, где ты живешь, Хонока. Хочу увидеть твою школу, твой дом, а затем…

Ёсихико сразу представил, как Накисавамэ-но-ками перечисляет свои планы, загибая пальцы. Он не знал, что именно связывает ее с Хонокой, но богиня, по всей видимости, собиралась познавать мир вместе с девушкой.

— А з-затем мы сможем заняться… всем, чем хотели.

Хонока слушала ее слова, неподвижно стоя и не меняясь в лице. В ее прозрачных глазах не отражались чувства, сквозь сомкнутые губы не проникали слова. Ее лицо словно сковало льдом, и Ёсихико ощутил в груди беспокойство.

— …Ты права, — наконец, тихо обронила она. Но хоть она и согласилась со словами Накисавамэ-но-ками, ее слова почему-то казались безжизненными.

— Хонока?.. — неуверенно обратился к ней Ёсихико.

Вдруг Хонока резко развернулась, выбежала за забор и устремилась к выходу с территории храма.

— Хонока! — Ёсихико тут же перепрыгнул через забор и снова позвал ее по имени, но голос не достиг спины девушки. — Что происходит?..

Ёсихико совсем запутался и нахмурился. Даже Ёсихико, буквально на днях познакомившийся с плаксивой и слишком бережно относящейся к чувствам других Накисавамэ-но-ками, уже не

смог бы заставить себя бросить ее. Он хотел во что бы то ни стало исполнить ее скромное желание выбраться наружу. Хонока наверняка повстречалась с ней гораздо раньше и должна была прекрасно понимать ее мечту. Почему же сейчас девушка обратилась в бегство?

— ...Э?

Когда Ёсихико вздохнул и вновь вернулся к колодцу, он обнаружил на земле несколько синих цветков. Вероника персидская, обычный луговой цветок, который легко нарвать на окрестных полях. Раньше их здесь не было, а значит, цветы принесла Хонока. Подняв с земли один цветок, Ёсихико повернулся к колодцу. Он вспомнил, что недавно видел внутри колодца пастушью сумку. Откуда же у Накисавамэ-но-ками, никогда не выходившей наружу, взялись полевые цветы?

— Неужто… — пробормотал Ёсихико, когда у него появилась догадка. — Когане, подожди тут!

И Ёсихико бросился в погоню за голубым шарфом, притаптывая кроссовками сухой песок.

***

— ...Я познакомилась с Хонокой весной позапрошлого года, — начала неспешно рассказывать Накисавамэ-но-ками оставшемуся у колодца Когане, пока Ёсихико гонялся за Хонокой. — Она часто посещала Нару, поскольку здесь родилась ее мать, и иногда слышала мои песни…

Накисавамэ-но-ками все еще говорила неуверенно, вспоминая недавнюю реакцию Хоноки.

— Я т-так давно не встречала людей, которые бы меня видели, что не сдержалась и попросила ее об одолжении.

— Одолжении? — Когане наклонил смотревшую в колодец голову.

— Да. Я попросила ее сорвать и принести цветок. Любой… — вспоминая тот день, Накисавамэ-но-ками слегка улыбнулась. — Однако в ответ Хонока ушла, ничего не сказав. Я пала духом… и подумала, что повела себя нагло, вдруг попросив кого-то что-то для меня сделать…

Однако спустя полчаса на голову Накисавамэ-но-ками беззвучно упала фиалка. Маленькая, но очень красивая, с великолепными фиолетовыми лепестками. Накисавамэ-но-ками подняла голову, но не увидела, кто сбросил подарок. Она попыталась подать голос, но никто не ответил. Тем не менее, она не сомневалась, что цветок сбросила именно та девушка.

— Прошло несколько дней, и ко мне упал еще цветок, на этот раз лотос. Потом магнолия… Некто сбрасывал цветы, а я пыталась поговорить с ней. Я так давно ни с кем не разговаривала… а, п-правда на самом деле, это и не разговоры были. — Накисавамэ-но-ками покраснела и прикрыла рот ладошками. — Я говорила о себе и не получала ответа… Когда я впервые услышала голос Хоноки, в деревьях уже начали голосить цикады. Конечно, Хонока говорила мало… но я все-таки немного узнала от нее о мире снаружи колодца…

Когане бросил взгляд в ту сторону, куда убежал Ёсихико. Он, наконец, понял, что связывало Накисавамэ-но-ками и Хоноку.

— И часто она сюда приходит? — спросил Когане. Богиня кивнула.

— Д-да… и даже сейчас она продолжает носить цветы… Кажется, в школе ей не особо нравится… — Накисавамэ-но-ками ненадолго прервалась, чтобы получше выбрать слова. — Груз небесных глаз слишком тяжел для нее… трещина между ней и людьми, которые не видят богов и духов, со временем превратилась в глубокий овраг…

Когане прищурился. Он помнил слова Котаро о том, что Хонока ни с кем не пересекается и часто бывает в одиночестве. В мире людей нередко случается такое, что необычные становятся изгоями. Неважно, виноваты в этом достоинства человека или недостатки, ему остается лишь смириться, однако ситуация все равно сложилась непростая. Хотя, конечно, трения между людьми не находили понимания у Когане.

— Я у-уверена, она пожалела меня. Она увидела во мне, плачущей в одиночестве на дне колодца, отражение себя…

— …Понятно, — ответил Когане и вздохнул.

Подумать только, что одинокая богиня и одинокая девушка встретились здесь и прониклись друг к другу чувствами.

— Уважаемый Хоидзин, Хонока очень добрая девушка. Поэтому в ней так много одиночества и печали… Она небесноглазая, но ничем не поможет помочь тем, кто исчезает на ее глазах. Хоноке не с кем разделить боль, ей приходится терпеть ее и жить дальше… — от мыслей о Хоноке Накисавамэ-но-ками прослезилась, затем чуть улыбнулась сама над собой. — Может, мне стало бы легче, если бы она жаловалась на то, что ей не нужны такие глаза...

Хонока никогда ни в чем не обвиняла Накисавамэ-но-ками. У нее не получалось высказывать эмоции, поэтому цветы она дарила с невозмутимым выражением лица.

— …Я не могу растопить печаль, которая скопилась в ее сердце, — прошептала Накисавамэ-но-ками, глядя на свои маленькие ручки, а затем подняла взгляд на Когане. — Хонока почти не улыбается и не плачет. Однако я знаю, что в душе она обливается слезами постоянно. Сколько бы я ни плакала вместо нее, я не могу залечить ее раны…

Хоноке дали не только жизнь в этом мире, но и небесные глаза. До сих пор они сковывали ее словно проклятие.

Для чего ей глаза, если она не может спасти тех, кто исчезает?

Наказание, которое заслужили все люди, назначили ей одной.

— ...Только одну вещь я так и не понял… — Когане неспешно моргнул и посмотрел на богиню внутри колодца. — Судя по твоим словам, вы доверяете друг другу. Тогда почему ты в первую очередь не попросила ее вытащить тебя отсюда?

Может, Хонока и не справилась бы в одиночку, ничто не мешало Накисавамэ-но-ками поднять эту тему в разговорах. Однако если вспомнить реакцию Хоноки, она явно услышала об этом впервые.

— Почему же она сбежала? — тихо спросил Когане.

Накисавамэ-но-ками стиснула зубы и притихла. Наконец, она медленно и тихо проговорила:

— Потому что я… никогда не рассказывала ей о том, что хочу выбраться наружу… Возможно, Хонока сочла это предательством…

— Ты ведь могла догадаться, что этим все и кончится, разве нет? От близких людей желания не скрывают, — Когане прищурил зеленые глаза. — Или ты почему-то не могла ей рассказать?

Накисавамэ-но-ками шумно вдохнула. Видимо, слова Когане попали в точку.

Сожаление проступило на ее лице.

— Я… правда хотела посмотреть на внешний мир вместе с Хонокой. Я надеялась, что смогу хоть ненадолго увидеть надвигающуюся весну так же, как она… — Накисавамэ-но-ками моргнула, чтобы прогнуть подступившие слезы, и продолжила: — Но… но на самом деле…

Здесь ее голос сорвался и стал хриплым. Вместе с этим по щекам ее прокатились крупные слезы.

— Достопочтенный Хоидзин… я обязана извиниться перед лакеем… — богиня посмотрела в небо, даже не пытаясь вытереть слезы. — Н-на самом деле я…

Слезы падали на дно колодца и расходились кругами по скопившейся воде.

Затем Накисавамэ-но-ками озвучила правду. Когане вздохнул и вновь посмотрел туда, куда убежал Ёсихико. Пока что тот не возвращался.

— ...Как же ты поступишь, Ёсихико?.. — протянул Когане, покачивая хвостом.

Часть 4

— М-мне очень неловко за мою дерзость, ведь мы только познакомились…

В тот день, когда Хонока, привлеченная звуками загадочной песни, заглянула в колодец, она увидела внутри похожую на маленькую девочку богиню. Та быстро догадалась о таланте Хоноки и заговорила, глядя на девушку влажными глазами:

— ...Не могли бы вы сорвать мне цветок?

Полная безмятежных сельских пейзажей земля рядом с домом матери Хоноки всегда приносила девушке умиротворение. Поступив в старшую школу, она стала часто приезжать сюда, чтобы сбежать от городского шума, причем нередко одна. Холмы, деревья и вода мягко улыбались ей, дарили душевный покой и комфорт.

— Я н-не могу выбраться наружу. Поэтому буду очень рада увидеть цветы, которые цветут здесь весной. Я хочу увидеть весну! — стоявшая по пояс в воде богиня изо всех сил тянулась к Хоноке, а та смотрела на нее озадаченным взглядом. — Я н-не могу покинуть колодец. Я не знаю, что происходит снаружи… Я провела здесь уже, наверное, тысячу лет…

— ...Одна? — наконец, спросила Хонока хоть что-то.

Маленькая богиня обрадовалась и подняла взгляд.

— Да. Моя работа — сидеть здесь и плакать, принимая на себя людскую печаль.

Из-за влажных глаз узница колодца и правда походила больше на маленькую девочку, чем на богиню.

— Поэтому… можно вы дадите мне цветок?..

Хонока ничего не ответила и отошла от колодца.

Оне не отказалась и не отвергла богиню.

Просто она слишком изумилась, смутилась и потому поторопилась.

До сих пор она лишь наблюдала за богами и не ожидала, что одна из них попросит ее о чем-то.

К тому же она не знала, что на дне темного колодца живет плачущая богиня, несущая на себе груз людских печалей.

Живет совсем одна…

Отойдя к ториям, Хонока какое-то время стояла неподвижно, приводя мысли в порядок. Она думала о том, как с детства сторонилась людей и привыкла быть одной. О том, сколько времени та богиня провела внутри колодца.

И о том, что она не вздыхала о своей судьбе и пожелала лишь посмотреть на весну…

Со стороны колодца вновь раздалась тихая песнь:

И заря, и дождь, и ветер,

Человек и жук, и вепрь —

Ты гуляй под небесами,

Меж цветов и древ, и гор.

Коль тоска темнее мрака,

Мне позволь её оплакать,

За тебя молюсь часами,

Обращая к кругу взор.

Наконец, Хонока развернулась и побежала от храма. Найдя на грядке маленькую фиалку, она какое-то время боролась с совестью, но в итоге тихо извинилась и осторожно сорвала цветок. С ним она вернулась к колодцу, где вновь засомневалась. Она так долго жила, старательно избегая контактов с другими, что теперь слова не приходили ей в голову.

Она стояла, а сжимавшая фиалку рука дрожала от волнения и напряжения.

Наконец, фиалка упала в колодец богини, и та расцвела улыбкой, затмившей красоту цветка. Хонока, украдкой подсмотревшая за ней, ощутила, как в давным-давно замерзших глубинах ее души появилось немного тепла. Ей показалось, что богиня улыбается вместо нее, давным-давно забывшей, как выражать чувства.

Так Хонока, прежде лишь провожавшая взглядом исчезающих богов, впервые смогла сделать одному из них маленький подарок.

***

— Хонока!

Ёсихико сумел справиться с мешавшимся под ногами песком и покинуть территорию храма. Затем пробежал мимо входа в культурологический центр и, наконец, схватил Хоноку за руку на дороге, с левой стороны которой открывался вид на Аманокагуяму.

— П-подожди!

Даже несмотря на пиджак школьной формы, Ёсихико понял, что сжимает весьма хрупкую ручку. Несколько стушевавшись, он выдохнул и ощутил лицом дуновение холодного февральского ветра.

Остановившаяся Хонока все еще стояла к Ёсихико спиной и тяжело дышала, прижимая руку к груди. Прямые черные волосы покачивались от каждого вздоха.

— ...Я понятия не имею, как и когда вы познакомились друг с другом, но… — проговорил Ёсихико, по собственному дыханию понимая, что его тело значительно ослабло с тех пор, как он забросил бейсбол. — Когда я впервые заглянул в колодец, то увидел в щели между камнями пастушью сумку. Тогда она меня очень удивила.

Казалось бы, откуда у Накисавамэ-но-ками цветы “извне”, если она никогда не покидала колодец?

— Но это ведь ты принесла их, да?

Она подарила их Накисавамэ-но-ками, мир которой ограничивался кругом неба над головой. Собирая ничем не примечательные цветы, она сообщала богине, какое сейчас время года и показывала ей маленькие, но гордые и прекрасные жизни.

Хонока не стала ни соглашаться, ни спорить, она лишь продолжала смотреть в землю и шумно дышать. Ёсихико медленно отпустил ее, и Хонока приложила ладонь к руке, за которую тот держал ее. Он продолжал смотреть на девушку и старался говорить как можно спокойнее:

— ...Так давай же вытащим ее наружу. Пусть лучше познает мир рядом с нами, а не по ту сторону колодезной стены.

Ёсихико не знал, с чего вдруг Хонока побежала прочь. Ему казалось, на ее месте он был бы рад такой помощи.

Наконец, Хонока глубоко вдохнула и, все еще не поворачиваясь к Ёсихико...

— ...Я больше не понимаю, — тихо и немного печально обронила она. — Для чего я... носила ей цветы...

Она чуть повернула голову. Щека ее казалась еще бледнее и холоднее обычного.

— То есть, “для чего”?.. — переспросил Ёсихико. Хонока говорила мало, так что над каждым ее словом приходилось серьезно задумываться. — Хочешь сказать, ты... не хотела выпускать Накисавамэ наружу?

Ёсихико вспомнил, как Хонока даже уточнила: “Ты хочешь выйти?”. Еще тогда слова девушки показались ему странными. Судя по всему, они с Накисавамэ-но-ками виделись далеко не впервые. Тогда почему Хонока ничего не знала?

Девушка замолкла и, наконец, покачала головой. Следом она обратила взгляд к плавной линии гор по левую руку, словно чтобы скрыть ясные глаза. Склоны Аманокагуямы скрывала темная зелень хвойного леса.

— ...Саваме не виновата, — Хонока сжала ткань на груди бледной ладонью. — ...Виновата я.

Даже произнося эти слова, Хонока не изменила холодного выражения лица. Отбросившая всякие чувства девушка безразлично моргала, но Ёсихико показалось, что он увидел, как

хрупка она на самом деле. Как она, не разговаривая и не улыбаясь, старается казаться сильнее.

— Секунду, с какой стати кто-то вообще должен быть виноват? — Ёсихико озадаченно почесал затылок. — Ты ведь… даже сегодня пришла с цветами, разве нет?

После его слов Хонока остановила взгляд на веронике персидской, устилавшей луг рядом с дорогой. Совсем недавно она сорвала этих очаровательных голубых цветок, чтобы принести к колодцу.

— Я думала, что сделала это ради Саваме… — проговорила Хонока, словно обращаясь к себе. — Но быть может… что на самом деле ради себя.

Правая рука, сжимавшая ткань на груди, напряглась так, что стала похожа на нож, приставленный к ней. Впервые она задалась этим вопросом, когда услышала слова Накисавамэ-но-ками о желании выбраться наружу. Хонока не могла не замечать своих темных мыслей, но старательно закрывала на них глаза.

Она столько раз относила цветы к запертой в колодце девочке, но действительно ли поступала так потому, что заботилась о ней?

Глаза Хоноки моргнули, но смотрели все так же холодно.

Может быть, она все это время пользовалась богиней, чтобы окружать себя придуманным миром, извлекать из него самооправдание и таким образом лечить себя от одиночества?

Может, она сблизилась с богиней лишь потому, что пыталась найти смысл своему небесноглазому существованию?

Может, даря ей цветы и рассказывая о внешнем мире, Хонока в каком-то смысле упивалась нераздельной властью над богиней?

Предположения без конца сочились наружу из глубины души.

Когда они вдруг охватили ее возле колодца, Хонока не смогла отыскать внутри себя ответ. Сколько бы она ни пыталась отмахнуться от подозрений, они упрямо возникали снова.

Подобно чудовищам, наконец-то обнажившим истинное лицо перед прекрасной, искренней богиней.

— Наверное, поэтому Саваме и не обратилась ко мне…

Возможно, добрая богиня заметила ее низменные, уродливые мысли. Может, как раз поэтому она не стала говорить Хоноке о том, что хочет выбраться наружу? Если бы Накисавамэ-но-ками вышла из колодца, она тем самым разрушила бы мир, который придумала Хонока. Она лишила бы Хоноку должности связующего звена между миром и колодцем. Неужели Накисавамэ-но-ками понимала это с самого начала?..

— Нет. Мне кажется, ты ошибаешься.

Хонока моргнула. Несложные и почему-то полные уверенности слова Ёсихико застали ее врасплох.

Хоть Ёсихико все еще недоуменно качал головой, он сложил руки на груди и заговорил так, словно озвучивал прописные истины:

— Ведь если бы Накисавамэ заметила те мысли, которые тебя мучают, она тем более не попросилась бы наружу.

Зная ту богиню, она ни за что не пожелала бы ничего, что могло бы задеть Хоноку, пусть даже пришел лакей, обещавший помочь с чем угодно, а она в свою очередь страстно желала увидеть внешний мир. Уже то, что цветы в щелях кладки не успевали увянуть, говорило о том, как часто ее навещала Хонока. Нетрудно представить, как относится богиня к девушке, которая старательно приносит цветы в почти безлюдный храм.

— Эта малявка ведь на самом деле богиня со стальной волей, которая несмотря ни на что продолжает плакать, чтобы принимать людскую печаль. Она прекрасно знает, когда людям радостно, а когда нет. Понятно, что она не станет корить их за чувства или издеваться над ними.

Накисавамэ-но-ками лучше многих понимала одиночество Хоноки и ни за что не стала бы усложнять ей визиты к колодцу.

— И раз уж на то пошло… — Ёсихико вновь уперся взглядом в девушку. — Мы ведь с тобой люди.

Он пытался достичь глубин ее равнодушных глаз.

— Мы люди — слабые, подлые, ленивые… способные на зависть и ревность. Конечно, не стоит обнажать эти чувства, чтобы не задевать других, но можно ведь хотя бы хранить их в самых глубинах души, разве нет?

Договорив, Ёсихико почувствовал, что у него заныло колено.

Еще недавно он жил по инерции, потеряв мечты и не видя будущего. Он завидовал Котаро,

уверенно шедшего к успеху, укорял себя и более чем сполна осознал собственную слабость. И тем не менее, сейчас он пытался принести пользу богам.

— Мы с тобой состоим не только из прекрасного и непорочного… А вот стремиться к этому не так уж и плохо.

Глаза Хоноки немного дрогнули.

— Думаю, если бы ты носила цветы из-за фальшивых чувств, уже давно умаялась бы и махнула рукой.

Однако она продолжала ходить, поскольку на самом деле желала этого.

Хонока действительно радовалась встречам с Накисавамэ-но-ками.

— Поэтому я уверен, что она не просила тебя о помощи с выходом из колодца по какой-то другой причине. Такой, которая вынудила ее обратиться к лакею…

Договорив, Ёсихико выдержал небольшую паузу, а затем еле слышно добавил: “…наверное”. Он говорил, лишь опираясь на собственные предположения, и ничем, кроме собственного чутья, не мог их подкрепить.

— Причине?.. — Хонока посмотрела на Ёсихико, и в ее глазах впервые появился теплый огонек.

Вот только Ёсихико не мог ответить на ее вопрос. Просто он не мог объяснить иначе, почему Накисавамэ-но-ками не стала обращаться к Хоноке за помощью.

— …Можно спросить? — продолжил Ёсихико, вытягивая из хаоса мыслей момент, который хотел обсудить еще давно. — Давай отложим пока в сторону все-все сложности.

Самая важная часть их разговора отличалась исключительной простотой.

— Хочешь ли ты вытащить из колодца богиню, которая столько времени провела там, принимая людскую печаль и проливая из-за нас слезы?

Глаза Хоноки изумленно округлились.

Все, что от нее требовалась — лишь эта, совсем несложная мысль.

— А да, есть один важный нюанс, — добавил Ёсихико, вспоминая маленькую богиню, с надеждой смотревшую на него. — Вытащить Накисавамэ можем только мы с тобой.

Лишь они могли пригласить в большой мир богиню, считавшую небо маленьким кругом…

***

Люди слабы.

Боги создали их, вкладывая частичку себя, но человеческие души все равно умудряются мрачнеть от сущих пустяков.

От удач и невезений, от богатства и нищеты. Люди вздыхают от тоски, когда у них нет чего-то, что есть у других, но быстро теряют интерес ко всему, что обретают.

Однако она любила людей такими, какие они есть.

Она сидела в колодце, сосредотачивалась на наполнявшей мир печали, пропитывалась всевозможными чувствами и проливала слезы. Она никогда не жалела себя из-за этой работы и считала, что если ее слезы помогут облегчить жизнь хоть одному человеку, она продолжит плакать и дальше.

Но однажды в ее уме возник вопрос.

О том, почему она, проливая слезы многих людей, больше не могла сделать такую важную вещь.

Она тянула руки изо всех сил, но не могла дотянуться до далекого неба.

Проливая слезы, она впитывала печаль, и та отягощала ее тело.

Сейчас, когда ей почти перестали молиться, она уже не могла выбраться из колодца своими силами.

Так неужели ей больше нельзя мечтать?

Пусть даже сегодня небеса снова пошлют ей цветы…

— Мы попробуем еще раз, Накисавамэ.

Ёсихико вернулся к колодцу, ведя Хоноку за руку. Там он взвалил на плечо алюминиевую лестницу, приставленную к колодцу, опустил ее внутрь и установил на дно.

— Сначала я подниму тебя снизу, а Хонока попробует вытянуть тебя за веревку сверху.

Ёсихико вытащил веревку из сумки и привязал один из ее концов к крепкому забору. Возможно, теперь у них все получится.

— Уверен, что не выйдет, как в прошлый раз? — спросил Когане, глядя на приготовления.

Ёсихико посмотрел на него в ответ и скорчил кислую мину.

— Если не получится — буду утешать себя твоей теплой шерстью. И вообще, она дико тяжелая, так что помоги-ка нам.

Он не знал, сможет ли хрупкая Хонока в одиночку совладать с веревкой. Однако в ответ на просьбу Ёсихико Когане фыркнул и сразу отказал:

— Не могу. Ты сам взял на себя заказ. Я, как бог, нарушил бы правила, если бы согласился помочь.

— Я тебе булочку куплю.

— Т-так просто ты меня не подкупишь! Божественные заказы — очень важное…

— И десерт.

— !..

Хонока, вставшая у края колодца, слушала их разговор с как всегда безразличным видом, но при этом все равно выглядела немного сокрушенной.

— Хонока, — Ёсихико протянул ей веревку. — Рассчитываю на тебя.

Хонока посмотрела на вверенную веревку и молча кивнула.

— Зубами веревку придержу, но не более! Ничего другого не жди!

Под вопли продолжавшего упрямиться Когане Ёсихико начал спускаться в колодец. Может, их и ждала повторная неудача, но не отказываться же из-за этого от очередной попытки.

— В этот раз, Накисавамэ, я точно смогу тебя поднять, — убедительно проговорил Ёсихико, обращаясь к неуверенно глядевшей на него маленькой богине. — Так что и ты старательно тяни ручки.

К тому небосводу, о котором она мечтала.

— И тогда мы обязательно вызволим тебя.

Ёсихико обмотал веревку вокруг Накисавамэ-но-ками и тщательно убедился, что надежно завязал ее.

— Н-не знаю, получится ли… — пробормотала богиня, глядя вверх и часто моргая. На фоне вырезанного из неба круга виднелось обеспокоенное лицо смотревшей в колодец девушки. — Хонока…

Накисавамэ-но-ками крепко сжала кулачки, в ее глазах появились слезы. Ёсихико вздохнул и погладил плаксу по голове. Хоть он и понимал, что имеет дело с богиней, но плачущая девочка невольно пробуждала в нем отцовские чувства.

— Что ж ты робеешь, богиня?

Только сейчас он заметил, что ленты в волосах богини точно того же цвета, что и шарф Хоноки.

— …Боги ведь принимают заботу людей и превращают ее в силу, так?

Выполняя божественные заказы, Ёсихико множество раз сталкивался с удивительными явлениями. И каждый раз боги утверждали, что причина всему — именно забота людей.

— В одиночку я потерпел полное фиаско, но сегодня со мной надежная помощница, — сказал Ёсихико и перевел взгляд на Хоноку.

Наверняка забота двух людей сможет достучаться до богини.

— И будь так добра, поговори с Хонокой. Почему ты не попросила ее вызволить тебя? Почему вместо этого ждала лакея? — тихим голосом добавил Ёсихико.

Накисавамэ-но-ками ахнула и округлила глаза.

— М-многоуважаемый лакей, неужели вы заметили?..

— Что заметил? — переспросил Ёсихико, и у богини отвисла челюсть. Почесав щеку, парень решил ответить прямо: — Если честно, я в тонкостях нисколько не разобрался.

Когане расслышал его слова и сокрушенно покачал головой. Впрочем, Ёсихико не обратил на него внимания.

Важнее было совсем другое.

— Я не знаю, что между вами произошло, но понимаю, что у тебя была какая-то причина. Однако я в нее лезть не собираюсь, — проговорил Ёсихико, а в окончание фразы вложил все свои чувства: — Я лишь исполню заказ, который ты оставила.

Накисавамэ-но-ками уже открыла рот, словно собираясь что-то ответить, но в конце концов посмотрела в небо и выдавила из себя лишь одно слово:

— Хонока…

Девушка молча кивнула.

Тем самым подав знак.

— Пора! — ободрил себя Ёсихико и усадил Накисавамэ-но-ками на плечи.

Влажный подол кимоно сразу же намочил парню голову. Кроме того, маленькое тело богини оказалось невообразимо тяжелым.

— Боль… но…

От холода и тяжести дала о себе знать старая травма, но Ёсихико стиснул зубы и стерпел. Он не мог сдаться. Сдайся он сейчас — и все старания обратились бы в прах.

И похоронила бы с собой надежды Накисавамэ-но-ками и Хоноки.

А также деда Ёсихико, протягивавшего руку помощи как богам, так и людям.

Ёсихико кое-как смог ухватиться за лестницу и поставить ногу на первую ступень. Однако в

следующее мгновение больная нога не выдержала, Ёсихико с Накисавамэ-но-ками потеряли точку опоры и упали в воду.

— Ёсихико! — воскликнул Когане и заглянул в колодец вместе с Хонокой.

— Г-господин лакей!..

Все еще сидевшая на плечах Ёсихико Накисавамэ-но-ками прослезилась.

Хоть Ёсихико и погрузился в воду до половины головы, богиню он все же удержал.

— ...Это еще не конец, — пробормотал он, поморщившись, а затем громко обратился к больному колену: — Не сдавайся!

Ёсихико встал, выжимая из себя все силы. На самом деле, его ноги уже частично онемели от холода и влаги. Мокрая одежда прилипла к телу и быстро высасывала из него все тепло. И тем не менее…

Ёсихико вцепился в лестницу непослушными руками. В спину его толкало уже не чувство долга, а нечто иное.

— Тяни, дочь настоятеля! — крикнул Когане, и Хонока схватилась за веревку.

Она не привыкла заниматься физическим трудом, и ее ладони быстро покраснели. Через веревку она ощутила необычайную, совершенно не подходящую внешности тяжесть богини. Тяжесть печали многих людей.

— Впе… ре-е-ед!

Ёсихико собрался со всеми силами и взобрался по лестнице. Его руки сковывало от напряжения, ноги дрожали, а проступившие на лбу вены грозились лопнуть.

— Савамэ!.. — Хонока протянула руки внутрь колодца. Когане помогал ей как мог.

— Хонока! — Накисавамэ-но-ками тоже изо всех сил протянула бледные ручки в надежде достичь ими выхода во внешний мир.

Их пальцы стремились друг к другу в том самом проеме, через который путешествовали цветы.

Несколько раз они хватали пустоту, но постепенно сближались.

Падавшие под углом лучи солнца осветили миг… когда они коснулись друг друга.

— Отлично, Хонока! Теперь тяни! — Ёсихико почувствовал, что ноша на плечах стала чуть легче, и продолжил восхождение.

Наверху тем временем Хонока держала Накисавамэ-но-ками за руки и изо всех сил тянула на себя, помогая ей преодолеть края колодца.

И освободиться от ноши печали.

Наконец, Накисавамэ-но-ками прилетела в объятия Хоноки, и они вместе повалились на землю.

— У… у нас получилось… — Ёсихико высунул головы из колодца, оперся на каменную кладку и с облегчением вздохнул.

Он не знал, что получится из затеи, но теперь мог сказать, что операция прошла успешно.

— П-прости меня, Хонока! Ты в порядке?! — Накисавамэ-но-ками перепуганно вскочила и обратилась к девушке, на которой только что лежала. — Т-тебе не больно? Ты не ранена?!

— …Я в порядке, — коротко ответила Хонока, смахивая грязь со школьной формы.

Затем обе они словно впервые увидели друг друга и притихли, не зная что сказать.

— А-а… знаешь, Хонока… — наконец, заговорила Накисавамэ-но-ками. — М-мне ты можешь говорить правду, ладно? Так и скажи, если тебе больно, тяжело, холодно, зябко…

Хонока моргнула так, словно слова застали ее врасплох.

— А, п-правда, у тебя ведь это не слишком хорошо получается, так что я по возможности стараюсь сама все замечать, так что э-э-э… — в глазах Накисавамэ-но-ками встали слезы, а сама она отчаянно пыталась подобрать слова. — Я з… знаю, что на самом деле ты постоянно плачешь, Хонока…

Знала она и то, что сколько бы слез за нее ни проливала, тьма внутри девушки никак не уходила.

Накисавамэ-но-ками протянула руку и коснулась щеки Хоноки.

— Ты не проливаешь слез, но я знаю, что в душе ты плачешь.

Хонока смотрела на богиню, не произнося ни слова. Ручка богини скользнула с щеки на шею, и Накисавамэ-но-ками прижалась к девушке всем своим маленьким телом.

— Н-на самом деле я хотела не увидеть внешний мир.

Ёсихико и Когане невольно переглянулись.

Слезы Накисавамэ-но-ками мерно падали на землю, а ее уста роняли слова, которые она так долго хотела сказать:

— Н-на самом деле я… хотела вот так обнять тебя.

Хонока ошарашенно уставилась на богиню.

— Я хотела утешить тебя собственными руками…

“Сегодня она вновь бросит мне цветы, но что я могу сделать ради нее?

Небо всегда рядом со мной, и в то же время так далеко. Поэтому я не могу даже вытереть ее незримые слезы…”

— Будучи Накисавамэ-но-ками, я принимаю печали многих людей, но печаль одного из них хочу прекратить.

Хонока сидела в объятиях богини и безмолвно смотрела в небо. Готовая разрыдаться Накисавамэ-но-ками все же смогла наскрести в себе мужество и заявить:

— В-ведь мы с тобой… д… друзья.

Стоило ей договорить, как из глаз Хоноки беззвучно скатились слезы.

За первой каплей последовала вторая, а затем они превратились в нескончаемый поток.

— Савамэ…

Хонока обняла маленькую богиню. Ее прекрасное лицо исказилось и послышались всхлипы.

Впервые в жизни она заплакала не от горя или обиды.

***

— И что в конечном счете, Ёсихико? Ты подождал, чтобы вернуться вместе с той девушкой, но хватило ли тебе времени понять чувства Накисавамэ-но-ками?

Выполняя заказ, Ёсихико так устал, что на следующий день, в субботу, провалялся в постели до полудня. Когда он спустился, чтобы съесть не то завтрак, не то обед, мать поручила ему поход по магазинам. От вчерашних событий у него болело все тело, но 24-летний бездельник понимал, что если он хочет жить спокойно, ему необходимо прилагать определенные усилия, чтобы не портить отношения с матерью.

— На самом деле мне просто кажется, что Накисавамэ не смогла заставить себя так жестоко поступить с Хонокой, которая постоянно таскала ей цветы.

Ёсихико чихнул и продолжил брести по тротуару. Тело пронизывал холодный ветер, но тепло яркого солнца все-таки побеждало. Погода уверенно приближалась к весенней.

Поначалу Накисавамэ-но-ками, мечтавшая обнять Хоноку собственными руками, конечно же, думала попросить девушку вытащить ее из колодца. Однако она понимала, что ее пропитавшееся печалями тело стало слишком тяжелым. Кроме того, она не хотела во всем полагаться на Хоноку. В идеале она хотела выбраться из колодца незаметно для девушки, прийти к ней сама и преподнести сюрприз. Если бы она с самого начала сказала правду, возможно, план удалось бы претворить в жизнь, но Накисавамэ-но-ками и подумать не могла, что Ёсихико окажется знаком с Хонокой.

— К тому же м-мне казалось, что меня накажут, если я скажу, что стараюсь ради Хоноки… — робко объяснила Накисавамэ-но-ками вскоре после того, как ее вытащили из колодца. — М-мой долг — принимать печаль многих людей… Поэтому я думала, что высшие боги не одобрят особое отношение к одному человеку. Я искренне прошу прощения у достопочтенного лакея за то, что сказала неправду!

Накисавамэ-но-ками поклонилась так низко, что чуть не коснулась лбом колен.

Другими словами, она провела не только лакея, но и высших богов, которые одобрили заказ.

— Страшные вещи она совершила, — пробормотал Когане, шедший сбоку от Ёсихико, и вздохнул. — Не стоит так играть с лакеем и высшими богами, какая бы сильная нужда тебя ни толкала. Более того, я не понимаю, как бог может считать человека другом.

Выслушав как всегда суровую отповедь Когане, Ёсихико кисло улыбнулся и шмыгнул носом.

— Ты знаешь, мне на самом деле кажется, что высшие боги как раз все понимали.

Он никак не мог отделаться от мысли, что боги одобрили заказ, прекрасно понимая все обстоятельства. Впрочем, заказ уже остался позади, а трения между богами Ёсихико не касались. На странице с именем Накисавамэ-но-ками уже стояла красная печать в форме слезы.

— Та-ак, сначала в продуктовый за зеленым луком и мирином[]Слабоалкогольное, сладкое рисовое вино. Используется в японской кулинарии.. Затем в хозяйственный за мешками для мусора и отбеливателем… Эх, что ей мешало в один супермаркет меня отправить?.. — ворчал Ёсихико, глядя на листок, исписанный знакомым маминым почерком.

Возможно, она заставила его сходить по двум магазинам, просто чтобы пожурить за такой долгий сон.

— Не забудь про пирожок, десерт и шампунь, — добавил Когане, буравя Ёсихико зелеными глазами.

— …Откуда взялись пирожок и десерт, я догадываюсь, но шампунь? — Ёсихико на всякий случай еще раз перечитал листок и даже перевернул. — Тут про него не сказано.

— Естественно. Но мне он нужен.

— А? Зачем он тебе?

За мыслью о том, когда Когане заразился чистоплотностью, Ёсихико снова чихнул. Видя, что лакей ничего не понимает, Когане наморщил морду и сурово на него посмотрел.

— Уже забыл, как вчера после колодца прижимался ко мне и причитал о том, как тебе холодно?

Хоть Ёсихико и вспомнил, но все равно шмыгнул носом и свел брови.

— Нет, я помню, как пользовался твоей шерстью, но шампунь здесь при чем?

Когане словно сравнивал Ёсихико с грязью. Удивительная бессердечность с учетом того, что, как правило, ночевали они на одной постели.

— Если бы ты просто грелся за мой счет, я бы, так и быть, стерпел. Но ты ко всему прочему решил высморкаться в меня! Измазал соплями мой великолепный хвост!

— А-а, это поэтому ты вчера весь день из ванной не вылезал?

Ёсихико успел было решить, что после случая с Сукунабиконой-но-ками лис пристрастился к горячей воде.

— Знаешь, скольких трудов мне стоило избавиться от той засохшей гадости?!

— Понял-понял, прости. Кста-ати, если ты уже избавился, зачем тебе шампунь?

— Где гарантия, что такого не повторится впредь?! С тобой ни в чем нельзя быть уверенным! Добудь мне какой-нибудь с кипарисом, алоэ, на худой конец с сандалом! Почему-то цветочные ароматы мне…

— А, Хонока.

— Ах ты-ы-ы! Сюда слушай!

Пропустив крик Когане мимо ушей, Ёсихико помахал Хоноке, шедшей ему навстречу. Школьная неделя закончилась, так что сегодня она надела серое платье из тонкой шерсти, поверх него накинула белое пальто, а на шею, как обычно, намотала голубой шарф. В руках она несла два длинных свертка, обернутых газетами.

— …Привет.

От ее бледного лица как всегда веяло холодом, но все-таки она посмотрела на Ёсихико чуть теплее, чем раньше.

— Привет. Куда идешь? — спросил в ответ Ёсихико, однако Хонока не стала отвечать и несколько неуклюжим движением протянула ему один из свертков. — Э? Это что, мне?

Хонока кивнула, так что Ёсихико неуверенно взял подарок в руки. Он оказался на удивление легким. Аккуратно развернув газеты, Ёсихико ощутил характерный кисло-сладкий запах.

— Слива, — безошибочно опознал аромат Когане, остановившийся у ног Ёсихико.

Под оберткой оказалась сливовая ветвь с маленькими белыми цветками.

— ...Осталась лишняя после занятий по садоводству, — очень тихим голосом проговорила Хонока, словно оправдываясь. Затем она задумчиво наклонила голову и, наконец, добавила: — ...Спасибо.

В это короткое слово она вложила все свои чувства.

Хонока вновь посмотрела на Ёсихико, и тот невольно отвел взгляд. По какой-то причине он никак не мог успокоиться, когда небесноглазая девушка обращала на него внимание. Безусловно, часть причины крылась в ее красоте, но…

— Да нет, это ты мне вчера очень помогла. Спасибо… А, и за подарок спасибо.

Он не смог бы исполнить заказ без ее помощи. В конечном счете, вмешательство Хоноки привело к тому, что Накисавамэ-но-ками не смогла осуществить свой изначальный план, но вместо этого укрепила дружбу с девушкой, так что жаловаться никто не собирался. А сливовую ветвь Хонока наверняка дарила в знак благодарности.

Наконец, Хонока попрощалась еще одним кивком и вновь зашагала. Наверняка второй сверток с таким же воплощением весны она собиралась отнести к колодцу богини. Ёсихико стал понемногу понимать эту неразговорчивую девушку с каменным лицом.

— Ну что, пойдем? — проводив глазами Хоноку, Ёсихико опустил взгляд на пушистого лиса.

— Лучше сначала пирожок и десерт, а потом шампунь.

— Ладно-ладно.

— А то ты их забудешь, если на потом оставим.

— Да понял я.

Человек и бог зашагали дальше. Они вдыхали февральский воздух и чувствовали в нем легкий сливовый аромат.

http://tl.rulate.ru/book/101717/4513757